

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ

*Смысл истории – в существовании структур,
а не в характере декора.*

И. Бродский

Интерес к синтетическим исследованиям не случаен. В последние годы, благодаря возникшей методологической свободе, появилась масса работ, с разных сторон оценивающих человеческое прошлое, в том числе и средневековую эпоху. И это естественно для науки. Как справедливо заметил Л.П. Карсавин, в истории не должно быть бесспорных и неизменных истин. Обычно историк находит ответ на свои вопросы после долгой специальной работы, но эти ответы удовлетворяют очень не многих. Поэтому всякий должен сам искать ответы на свои запросы [42, с.6].

В современной историографии преобладают, пожалуй, два направления исторических исследований. Одно сложилось еще под влиянием контовского позитивизма, ориентированного, как известно, на изучении конкретных, реальных явлений, на подчинении воображения наблюдению [46, с.16-46]. Это привело, в противовес традиционной повествовательной истории, к созданию ряда школ, ориентированных на решения частных исследовательских задач, а в XX в. и к стремлению вырабатывать общие концепции исторического развития [См.36, с.166]. Но, как известно, в задачу историков входит выявление не только общих закономерностей, но и особенностей происходивших событий [95, с.24]. Желание расширить фактологический фундамент исторических знаний способствовало появлению школы "Анналов" с известным антропологическим подходом.

Но увлечение нетрадиционными методиками, частными, индивидуальными явлениями, привело, как известно, у многих современных последователей М.Блока и Л.Февра к уходу от целостного восприятия истории. Так в 60-е гг. возникло иное направление исторических исследований – так называемое постмодернистское. Оно сложилось как поворот к политической истории, к единоличному и личностному, к уникальным феноменам, к микроистории – истории в конкретном проявлении [6, 1995, с.9]. В определенной степени постмодернизм в историографии – это возвращение к прошлой повествовательной истории, но уже на новой основе, расширенной интересом к повседневности, к "простому" человеку и обыденному событию. По словам историка и писателя, прославившегося романом "Имя розы" У.Эко, постмодернизм – это ответ модернизму, возврат к традиции, сюжету в истории, но на новом интеллектуальном уровне [91, с.101-102]. Однако, постоянное расширение поля исследования привело к его дроблению, расчленению и, в конечном счете, к преимущественному изучению микросюжета, исторического анекдота [25, с.57]. Это, безусловно, более подходит для художественной интерпретации истории – исторической беллетристики, ставшей в наши дни очень популярной.

Однако несомненную пользу постмодернизм в исторических исследованиях принес. Г.М.Спигел справедливо заметила, что надо отвергнуть постмодер-

нистское расщепление истории, но надо взять из него попытки услышать голоса прошлого, индивидуального в нем [76, с.219]. Ведь новые антропологические и социологические подходы позволяют реконструировать то, как индивиды строят социальный мир [90]. В стремлении объединить достижения обоих направлений и в социальной истории в 80-е гг. XX в. происходит поворот от социально-структурной к социально-культурной истории [См. 61-63].

Но структурный анализ в истории тоже необходим. Из частных нельзя составить общее представление об исторических процессах. Еще Ш.Монтескье заметил, что если случайный исход битвы разрушил государство, значит, была причина того, что упадок этого государства зависел от одной битвы [См. 39, с. 225]. И задача историка - искать эти причины, что требует отвлечься от "событийной истории" и обратиться к "истории глобальной", к "истории длительной временной протяженности" [См. 9, с.15-18]. Думается, что прав Л.П. Карсавин, отмечавший еще в начале XX в., что основные проблемы истории решаются лучше синтетическими, хотя и рискованными попытками, отвлечением от частных, от лабораторного опыта с микроскопическими результатами [41, с. 2]. При таком подходе историк не включается в событийную действительность и выбирает позицию "квазинаблюдателя" [12, с.69]. Необходимость такого подхода обосновывается и философами [См., напр.: 44, с. 13, 207; 85, с.50].

Конечно, надо осознавать, что отбор фактов для концепции всегда субъективен, зависит от мировоззрения автора. За поисками причин стоят поиски ценностей [39, с. 231]. Но ведь, думаю, не надо доказывать, что история – это уровень приближения к истине [81, с. 172], которая, как известно – относительна. Конечно, всегда есть риск, что новые системы взглядов и некоторые гипотезы могут в дальнейшем не подтвердиться или уточниться. "Но ждать нельзя. Растущие функциональная неграмотность и профессиональная некомпетентность делают необходимым создание таких учебников, которые помогут миллионам осмыслить происходящие перемены, быстрее адаптироваться к ним" [92, 6]¹. Этот призыв относится не только к учебникам, которые не должны обгонять теоретическое осмысление истории. Поэтому выработка концепций и активные дискуссии по ним не менее необходимы.

Именно эти цели и преследует автор, исходящий из того, что изучение истории есть, прежде всего, изучение причин. Мир историка – его рабочая модель, а не фото реального мира, который охватить невозможно [39, с.212-227]. Поэтому определенная генерализация необходима. Научное изучение истории, отмечал Питирим Сорокин, не должно останавливаться перед эмпирической "пестротой" факторов общественного развития, а должно разложить этот пестрый и сложный клубок взаимодействия различных факторов на ряд причинных связей или зависимостей [75, с.523]. Обращаясь же конкретно к средневековью, уместно вспомнить слова Н.И. Конрада: всемирная история должна смотреть на события средних веков не с какой-либо "той" или "этой" стороны, а как бы сверху, ее задача состоит в раскрытии истории каждого народа в общем историческом процессе [45, с.98-100]. Наиболее приемлемым для решения такой задачи, полагаю, является сравнительное изучение основных структур выбранной эпохи, в данном случае – средневековой. При этом считаю, что исторически складывавшиеся общественные *структуры* во многом определяли "лица" цивилизаций, независимо от воли и сознания людей управляли хозяйственными механизмами, создавали свои связи и формы миропонимания [См. 90]. Такой подход вполне

¹ А это чрезвычайно важно хотя бы потому, что образ других народов и себя зависит от того, как в детстве нас учили истории – это остается на всю жизнь [82, с. 8].

укладывается в понятие структурализма, основанного на принципе системного целого [13, с. 40].

Проблема **цивилизаций**, их сущности и, главное, множественности, стала актуальной в нашей (советской, затем и белорусской) историографии лишь в последнее десятилетие XX в. Она обсуждалась на конференциях, в журналах и сборниках, затем перекочевала в монографии, учебные программы и издания, в публицистику. Первоначально, естественно, основной упор делался на поиски определения *цивилизаций*, роли этого понятия как инструмента научного познания истории человечества. Возникло множество определений, развернутых и кратких, что даже породило мнение о недостаточной изученности самого явления и сомнения в возможности использования термина².

Все это было связано с несостоятельностью, вернее, искусственностью формационной концепции исторического развития, долгие десятилетия господствовавшей в советской историографии. Возникшая методологическая свобода и породила у историков поиски новой опоры в их представлениях о путях мирового развития, с неизбежным обращением к богатству мировой историографии, в которой идеи множественности цивилизаций господствовали уже не одно десятилетие. И даже более того. Еще древние греки в борьбе с персами осознали особость своего жизненного уклада, свое отличие от восточных народов, что позднее переросло в представление об отличии Запада и Востока вообще. На концептуальном уровне к дихотомии Запад – Восток обратились западноевропейские просветители XVIII в., в условиях начавшегося бурного развития региона. Они и обратили внимание на специфику западной цивилизации. К середине XIX в. с накоплением информации и усилением межрегиональных связей начинают вырабатываться и концепции цивилизационного развития³. Одной из первых среди них стала теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, изложенная им в обширном исследовании, опубликованном первым изданием в 1868 г. [См. 19]. Такие типы автор соотнес с определенными цивилизациями, подчеркивая обособленность каждой и отсюда – необходимость особого пути для России⁴. Он же оспорил существовавшие представления об эталонности западноевропейской цивилизации. Эти же идеи развивал затем К.Н. Леонтьев [См. 1].

Позднее к проблеме места и судьбы европейской цивилизации обратился О. Шпенглер, возвестивший о “закате Европы” [91]. Вывод, на который автора подвигла трагедия Первой мировой войны, даже многие современники сочли спорным. П.М. Бицилли заметил, что Шпенглер смерть культуры понял буквально [8, с. 197]. Шпенглер – не пессимист, он – фаталист, отметил Т. Манн и продолжил: “Он талантливый, им можно гордиться. Но он – сноб, отнесший себя к пророкам, которые ко всеобщей досаде поучают других, не имея на это никаких оснований” [54]. Он увидел закат **той**, привычной ему Европы, критиковал развивавшийся капитализм с консервативных, аристократических позиций [47, с. 111]. Критики обвиняли его в банальных и грубых аналогиях между культурой и

² Представляется, такая множественность, аморфность определений цивилизаций отражает именно многогранность самого явления, охватывающего столь широкие, разноплановые и глубинные грани человеческого существования, что выработать по школярски четкое определение, которое можно давать для заучивания, невозможно в принципе. Поиск такого определения связан лишь многолетней привычкой пользования марксистско-ленинским методологическим аппаратом.

³ Термин цивилизация был введен в 1768 г. Фергюссоном для обозначения периода после дикости и варварства [72, с. 209].

⁴ Подробнее об этих взглядах я уже писал [67].

биологией [56, с. 65]. Но, по замечанию Й.Хейзинги, книга Шпенглера – это сигнал тревоги для европейцев [77, с. 96].

В те же годы с анализом европейских цивилизаций выступил белорусский историк И.Канчевский, незаслуженно забытый отечественной историографией [37]. В поисках цивилизационной принадлежности белорусов он, в отличие от Шпенглера, с поразительной точностью и образностью представил характерные черты западно- и восточноевропейской цивилизаций, место среди них (вернее между ними) отдельных славянских народов. Причем, обосновывая необходимость для белорусов создать собственную культурную модель, Канчевский, в отличие от воинствующего русофила Данилевского, проявил столь необходимую для ученого объективность и сдержанность. К сожалению, и в 20-е гг. идеи белорусской самобытности оказались не к месту и не оказали соответствующего влияния историческую мысль. Лишь в кругах белорусской эмиграции идеи Канчевского получили дальнейшую разработку. Прежде всего, это относится к воззрениям Л.Акиншевича, подчеркивавшего самобытность цивилизаций. Полемизируя со сторонниками наличия общих закономерностей и единого пути человеческого развития, он писал, что при более глубоком знакомстве с историей отдельных людских сообществ всё более выразительно выступают черты неравномерности, своеобразия исторического развития отдельных групп народов. Становится ясно, что все трудней находить путь совместного развития всех людских сообществ. Даже Маркс и Энгельс выделили "азиатский способ производства". Но особенности относятся не только к Востоку [4, с. 447].

Заметным вкладом в изучение цивилизаций стало вызвавшее широкий интерес капитальное исследование А.Тойнби, создавшего теорию круговорота локальных цивилизаций. Он выделил 21 замкнутую цивилизацию, каждая из которых проходила генезис, рост, надлом, разложение, гибель, а затем происходила смена цивилизаций. Он – против фактологической, за концептуальную историю. Но как христианский мыслитель, Тойнби считал, что история – дело рук Творца [См. 78, с. 8-15]. Он разделяет критическое отношение Маркса к старомодной истории королей, сражений и политических революций. Но, по мнению Тойнби, Маркс ошибался, полагая, что ключом ко всему является экономика, ибо нет такого аспекта человеческой жизни, который может быть единым ключом к истории. А если таковой и есть, то искать его следует в сфере подсознательных религиозных чувств, в глубинах человеческой души. Поэтому, он строит историю человечества как историю параллельно развивающихся цивилизаций, под которыми имеются ввиду части человечества, объединенные общей религией [См. 55, с. 145-146]. Встреченная с интересом концепция Тойнби вызвала затем серьезную критику. Л.Февр назвал его фокусником, который с легкостью жонглирует народами, обществами и цивилизациями прошлого и настоящего, тасуя и перетасовывая Европу и Африку, Азию и Америку [См. 78, с. 6]. Голландский ученый Питер Гейл писал, что последние 4 тома "Исследования истории" Тойнби – это "дальнейшее расширение сумасбродной расточительности ученых примеров, написанных привлекательно и впечатляюще, хотя чаще выбранных очень небрежно и абсолютно ничего не доказывающих". И сам Тойнби ощутил некоторую слабость своей концепции. В письме Н.И.Конраду он написал: "Я почувствовал, что структура человеческой истории менее монадна, чем я предполагал" [55, с. 146-147]. То есть, в итоге, попытка дать всеобъемлющее толкование цивилизационного развития оказалась неудачной. Но само представление о локальных цивилизациях с середины XX в. широко вошло в конкретные исторические исследования. Теоретические же рассуждения о цивилизациях стали, в основном, делом философов.

В советской же историографии осознание догматичности, научной неадекватности господствовавшей формационной схемы исторического процесса долгие десятилетия прорывалось лишь периодически вспыхивавшими дискуссиями о так называемом "азиатском способе производства". И лишь в 80-е гг., сначала в исследованиях о древности и средневековье, то есть более удаленных от идеологического контроля, стали появляться цивилизационные подходы. 90-е гг., как отмечалось, стали временем повального интереса к цивилизациям. Помимо упоминавшихся теоретических статей появляются и попытки выработать на основе цивилизационного подхода общеисторические схемы. Укажем прежде всего на концепцию известного востоковеда И.М.Дьяконова, сделавшего, как он написал, абрис исторического процесса, краткий очерк всей истории человечества, со вполне определенными механизмами фазовых периодов [24, с. 3]. Но, зная об опыте Тойнби и его критике, при наличии массы ценных наблюдений и обобщений, автор не уберется от создания законченной схемы всемирно-исторического процесса. Очевидно же, что не просто обилие, но и безбрежность исторического материала делают такие схемы слишком умозрительными, схоластичными, порой искусственными, ибо критерии отбираются субъективно. При разных ритмах развития локальных цивилизаций есть опасность смешения сходных явлений, но происходивших в разных, трудно сравнимых условиях. Вероятно, структурный анализ цивилизаций все же не следует укладывать в жесткие конструкции.

Более приемлемыми представляются подходы авторов российских учебных пособий о цивилизациях – Л.И. Семенниковой и Ю.В. Яковца. Возможно, именно характер изданий потребовал от авторов не увлекаться абстракциями и деталями, а показать особенности цивилизаций в их развитии на наиболее характерных фактах. Справедливо констатируются преимущества цивилизационного подхода: универсальность, многовариантность, компаративистский характер, подчеркивается показательность отсутствия определения цивилизации [73, с.7]. Но, преодолевая социально-экономический подход к истории, Яковец подчеркивает, что исходит из приоритетности духовного развития человека, которое считает основой динамики общества [93, с.7]. В этом – старое, еще от Данилевского, представление о цивилизациях как культурных явлениях. Думается, феномен цивилизации охватывает значительно больший круг явлений.

Признание наличия множественности локальных цивилизаций и направлений их движения⁵ в условиях современного кризиса вызвало в России возрождение интереса к евразийству. Как справедливо было замечено, всплеск интереса к идеям евразийства возник тогда, когда отечественные исследователи в очередной раз показали несостоятельность механического копирования западной модели развития [2].

Евразийство, как известно, возникло в 1921 г. в Софии, где 4 молодых эмигранта издали сборник "Исход на Восток" и до 1925 г. существовало, в основном, среди русских эмигрантов в странах Центральной Европы. В 1925-29 гг. центр течения переместился в Париж, а в 30-е гг. среди адептов евразийства начался раскол и к концу десятилетия оно распалось [См. 87, с.78-79]. Об истории и концепциях евразийства в последние годы написано много - переизданы работы основателей движения и его первых критиков, представлены современные оценки [Подробнее см.: 67]. Здесь же отметим, что еще в 1927 г. один из первоначальных сторонников евразийства П.М.Бицилли написал: евразийство, как и немецкий расизм, как расово-культурное самоопределение и выявление своего лица - это случайное и наугад выбранное копанье в подвалах истории в надежде отко-

⁵ Даже не развития, а именно движения, ибо оно может быть и регрессивным.

пать там что-нибудь новенькое, еще не испробованное. Вот и открыли Чингисхана [8, с. 195; 23, с. 13]. В 1928 г. о духовной неудаче евразийства писал один из создателей движения – Г.В.Флоровский [83, с. 237]. В дальнейшем евразийцы запятнали себя близостью с итальянскими и даже немецкими фашистам [52, с. 110; 59, с. 11]. Их обвиняли в вульгарном, ненаучном понимании истории, в использовании подтасованного фактического материала [См.: 3, с. 37; 69, с. 121]. Сказалась излишняя, хотя и извиняемая для того времени политизированность создателей концепции [79, с. 165]. В итоге, как жестко, но справедливо заметил Б.С.Ерасов, евразийство стало попыткой преодолеть загородное влияние европейских идей уходом в азиатчину, в чем оказалось подобным большевизму, с которым и сомкнулось [26, с. 185]. Оно – итог духовного шока части русской интеллигенции из-за коммунистического захвата власти [28, с. 49].

Современный ренессанс евразийства в российской историографии, к сожалению, также основан на политических, а не на научных воззрениях его сторонников. В 70-е гг. с идеями близости средневековой Руси и кочевого мира выступили склонный к парадоксальной публицистике этнолог Л.Н.Гумилев и писатель О.Сулейменов. Их вольное обращение с первоисточниками и умозрительные выводы вызвали резкую критику в академических кругах [См. 79]. Как заметил А.Игнатов, неоевразийство близко, прежде всего, людям искусства не очень начитанным в историософской литературе [28, с. 60]. Но с начала 90-х гг. интерес к евразийству из публицистики все же перекочевал в научную литературу, в которой “неоевразийцы”, игнорируя широко известную критику, продолжают черпать из старых источников [См.: 65; 67]. В этом проявляется очевидное доминирование идеологического, мировоззренческого стереотипа над требованиями научной объективности. Но нежелание видеть бесплодность евразийства как научной концепции заставляет его сторонников идти по кругу, или, как заметил Ф.И.Гиренок, назвавший евразийство старостью русской философии, если идти некуда – возникает естественное желание вернуться назад [15].

Нынешний интерес к цивилизациям и неубедительность нового издания евразийских концепций требуют дальнейших исследований исторического процесса, поисков, прежде всего истоков цивилизационных различий, а также причин разнотемповости развития человеческих сообществ. Актуальным также остается и выяснение соотношения локальных и так называемых всемирно-исторических закономерностей в истории.

Без разработки указанных проблем невозможно разрешать и более частные, но весьма существенные для регионов вопросы цивилизационной идентификации так называемых переходных обществ. Если почти все бывшие европейские социалистические страны, выбрав западную ориентацию, продемонстрировали свою близость западноевропейской цивилизации, то проблемы постсоветских государств, как и Югославии, демонстрируют их цивилизационную неопределенность: в обществах этих стран существует разлом, противоречия в миропонимании, в целях и ценностях жизни⁶. И так же, как успешное лечение болезни невозможно без выяснения причин возникновения недуга, так и разрешение кризиса указанных стран требует анализа глубинных, коренных,

⁶ Очень важна такая цивилизационная идентификация для Беларуси, которая долгое время в российской историографии воспринималась с позиций западнорусизма, а теперь есть попытки втянуть ее в евразийский конгломерат [См. 65, с.59-61]. Проблема выяснения места белорусов как особого сообщества в историческом процессе рассматривалась, как отмечалось, Канчевским и историками белорусской диаспоры. Современная белорусская историография еще только нащупывает подходы к данной проблематике [См., напр.: 14; 80].

основополагающих черт их общественной жизни. Такой анализ, естественно, предполагает обращения к их истории в сравнении с соседями, близкими и дальними.

При этом, полагаю, и о том свидетельствует историография изучения цивилизаций, не следует пытаться, по примеру средневековых европейских схоластов – авторов многочисленных “Сумм...” – охватить все многообразие общественного развития. Следует ограничиваться определенными хронологическими рамками. Я выбрал средневековье, которое, как известно, было детством большинства современных цивилизаций.

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ, ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ. Понятие *средневековье* возникло в Западной Европе и первоначально обозначало отрезок именно западноевропейской истории от крушения Римской империи до эпохи Возрождения. Концом средневековья обычно считали переломные – или просто яркие события: открытие Америки Колумбом (1492 г.), или начало Реформации в Германии (1517 г.), или падение Константинополя (1453 г.); были и другие точки отсчета. Последующую эпоху относили к новому времени. Как видно, грани этих двух периодов человеческой истории оказались весьма нечеткими. Ещё более размытым стало представление о хронологии средних веков, когда европейскую периодизацию стали переносить на историю других регионов. Прежде всего, это относится к странам Азии, которые с легкой руки позднесредневековых европейских путешественников получили обобщающее обозначение – *Восток*. Но европейские представления об исторических периодах не совпадали с традициями и ритмами жизни восточных обществ, весьма, кстати, многоликих. Там не было столь заметных, как в Европе, смен эпох. И лишь высокомерие бурно развивавшейся капиталистической Западной Европы, видевшей Восток отсталым объектом колониальной экспансии, привело к закреплению европоцентризма в представлении об историческом процессе – в переносе понятий “средние века”, как, кстати, “древний мир” и “новое время” – на всемирную историю.

С середины XVIII в., с распространением в европейской науке идей прогресса, представления о человеческой истории как развитии от примитивных форм к более совершенным стала разрабатываться историками. Большинство из них исходило из идей античных мыслителей Декарта Мессинского и Лукреция о трех стадиях общественного развития: охотническо-собираательской, скотоводческой (пастушеской) и земледельческой. В средние века такие идеи не воспринимались из-за господства религиозных представлений о сотворении и развитии мира [См. 30, с. 74].

В сочинениях второй половины XVIII в. появляется и название средневековой эпохи как феодальной (от Ш. Монтескье). Первоначально феодальными называли особые отношения, возникшие в политическом устройстве и правовых нормах западноевропейских стран. В начале XIX в. французский мыслитель-утопист А. Сен-Симон на материале все той же западноевропейской истории выработал стадиальную концепцию человеческого развития, в которой выделил и феодальную, отнес к ней некоторые средневековые страны Западной Европы. Эта концепция, а также теория общественных формаций Гегеля оказали существенное влияние на всю европейскую историческую науку XIX в. Их использовал и К. Маркс, когда при создании своей теории общества обратился к истории докапиталистических способов производства [Подробнее см.: 31, с. 18-24; 32]. Он и его последователи рассматривали историю человечества как закономерную, прогрессивную смену господствующих типов производственных отношений, или иначе, социально-экономических формаций. Отсюда средние

века – это история возникновения, развития и упадка специфического феодального строя. Под феодализмом они понимали особые общественные отношения, сложившиеся в средневековом обществе. Понятие феодализм и средние века стали у марксистов синонимами. Отсюда хронологические рамки средневековья во всемирном масштабе определялись ими существованием феодализма.

Поначалу эти философско-политэкономические воззрения особо не заинтересовали историков. Но в 30-е гг. XX в. на их основе советские ученые разработали периодизацию средневековья. В этой периодизации сохранялся европоцентристский подход. В основу было положено существование европейского, точнее западноевропейского, феодализма, зародившегося по тогдашнему мнению, в V – VI вв. В Центральной и Восточной Европе феодализм датировался с VIII – X до XIX вв., в Азии с III – IX до XIX вв.

Но уже при становлении указанного формационного подхода к истории и ее периодизации стали выявляться его слабости, отдельные противоречия. История Востока, как отмечалось, плохо укладывалась в созданную схему, ибо там рабовладельческие и феодальные черты переплетались долгие столетия⁷. Это вызвало длительную дискуссию о так называемом “азиатском способе производства”, периодически разгоравшуюся в 30 – 60-е гг. XX в. Для выхода из тупика Ю.М.Кобищанов выдвинул идею первичной или “большой феодальной формации” – от воззрений конца XIX-начала 30-х гг. XX в. [32, с. 236]. Но эта идея не выходила за рамки формационной парадигмы. В немарксистской историографии, как известно, эта формационная схема не была принята из-за ее односторонности, преувеличения роли экономики и социальных отношений в обществе. Формационный подход делил мир по-манихейски, на светлый и темный [60, с. 70]. Хотя марксистский интерес к социальной истории оказал влияние на развитие исторической науки XX в., в частности, на Школу Анналов.

В дальнейшем и советские историки стали все чаще выявлять отмеченные недостатки формационного подхода. Дело даже не столько в его опоре на европейскую историю. Главное, что он грешит абсолютизацией удельного веса закономерностей развития, классовой борьбы, социальных революций и преуменьшением других факторов [89, с. 68], не учитывает многообразия развития человеческого общества, в котором нередко и политика, и сознание, и даже бытовые привычки людей влияли на экономику. Ибо не экономика, писал еще в начале XX в. С.Булгаков, создала типы человеческой жизни, а сам человек, который решает свои потребности, в том числе и с помощью экономики [11, с.257-258]. Постепенно всё больше ученых стало склоняться к тому, что историческое развитие – многофакторный процесс, что учитывает так называемый цивилизованный подход к периодизации и систематизации истории.

Среди многочисленных определений цивилизаций часто преобладает идущий еще с XIX в. культурный, духовный аспект человеческого существования [См., напр.: 17, с.17; 58, с.18-22; 78; 85; 91].

Но такой подход представляется односторонним и ограниченным, не позволяющим адекватно представить историю человечества во всем ее многообразии, сужающим эвристические возможности цивилизационной теории. Представляется, что **цивилизации** – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших

⁷Как считают некоторые исследователи, теория формаций для параллельного изучения Европы Востока изначально не предназначалась. А уже в ранней советской историографии формационная теория чисто механически была приложена к неевропейской истории [33, с.602-603].

условия жизни людей. При таком подходе в равной степени, в отличие от формационного, сочетаются антропогенные (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты – географическая среда, система хозяйства, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность, при изучении которых нельзя заранее устанавливать субординацию между ними [22, с. 33; 73, с. 15; 89, с. 71]. Цивилизация как понятие шире формации, так как включает природный фактор, охватывает и социально-экономические отношения, и культуру, а также лучше учитывает региональные различия. То есть теория цивилизации должна помочь общественной мысли справиться с осознанием смысла и содержания множественности и разновариантности движения – Б.С. Ерасов [88, с. 11].

Важным достижением цивилизационного подхода является признание влияния географической среды и антрополого-демографического фактора на формирование “лица” цивилизаций, их региональных различий, специфики ритмов их существования, всего того, что раньше в советской историографии называлось географическим и демографическим детерминизмом [27; 43, с.6; 47, с.7; 50; 53].

Но главное, в отличие от формационного подхода цивилизационный позволяет раскрыть смысл любой эпохи через человеческое измерение. В целом, цивилизационное понимание истории – гипотеза, способная дать наиболее убедительное толкование общественного развития [89, с.373] при данном уровне наших знаний.

В соответствии с цивилизационным пониманием человеческого развития, большинством современных историков, исходя из географических, этнических, экономических, социальных, политических и культурных особенностей выделяет ряд цивилизаций Европы, Азии, Африки, Америки, одни из которых возникли в древности, другие – в средние века. Развитие и видоизменения в цивилизациях продолжались и в новое время, продолжают и теперь; выделяются и переходные формы. При таком подходе, на основе которого, кстати, в Беларуси составлены новые школьные программы по истории, основной упор делается не только на изучение общих закономерностей исторического процесса, но и на многочисленные региональные особенности [См. 64; 66].

Но цивилизационный подход еще более усложняет **проблему периодизации**, в том числе и истории средних веков⁸. Так, для Западной Европы по экономическим, а также отчасти по политическим и идеологическим параметрам средними веками считаются V – XV вв. Но характерная для этой эпохи монархическая власть продолжала существовать и позднее; то же относится и к месту религиозности в общественной и частной жизни. В современной медиевистике появилось понятие “долгое средневековье”, учитывающее медленную эволюцию экономической основы доиндустриальных обществ – сельского хозяйства, а также особого “средневекового” типа сознания и поведения людей – ментальности. Это сознание определялось господством христианства, сословных представлений, “эпохой лошади”. Зародившись II – III вв., оно сохранялось и в Западной Европе до первой половины XIX в. Даже ренессансные и реформаторские идеи опирались на средневековое мировосприятие [7, с.250-252, 360-361; 10, с.164; 34, с.15; 35, с.59-61; 51, с.5; 94, S.15-16]. Но все это относится именно к западной, точнее, к западноевропейской цивилизации. За ее пределами хронология

⁸ Вернее, такой подход более приближается к реальным историческим процессам и отражает сложность самой истории.

эпохи, если рассматривать средневековье как господство особых форм земле-владения и соответствующих социально-экономических порядков, еще более усложняется. На большей части Центральной и в Восточной Европы едва ли уместно отсчет средних веков начинать ранее IX в., а завершением их можно считать XIX в. [См.: 70; 71, с. 292]. Восток же, как отмечалось, вообще требует особую хронологию, ибо он не знал столь резких скачков, свойственных европейским цивилизациям и восточные нормы не вписывались в европейские "лекала". Отсюда постоянные дискуссии, в которых начало порядков, свойственных средневековью, относят к разным периодам I тыс. н.э., а завершение эпохи – к XVI – XIX в., и позднее (судя по современным талибам в Афганистане, они живут еще в классическом средневековье) [См.: 5; 24, с. 71; 48, с. 3-6; 49, с. 3-5].

Прав, очевидно, А.К.Дживелегов, написавший, что не исходной, ни заключительной даты периода средних веков наука не знает: о них можно лишь условиться [21, с. 6]. И вообще, как заметил Й.Хейзинга, периодизация в истории хотя и необходима, но всегда играет второстепенную роль, всегда неточна, в известной мере произвольна. Потребность в ней происходит не из занятия историей, а из общего стремления к упорядоченности [86, с. 78-88]⁹.

В соответствии с этими потребностями средневековую историю принято делить на 3 основных периода: раннее, развитое и позднее средневековье. Под ранним средневековьем понимается эпоха возникновения обществ с определенной спецификой, становление основных параметров этих обществ (т.е. их генезис); развитое – время максимального развития этих параметров; позднее – кризис, изживание основных признаков средневековых обществ и складывание новых, буржуазных. Для европейских цивилизаций под *ранним средневековьем* подразумевается обычно вторая половина I тыс. (для восточных регионов – это и первые 100-200 лет II тыс.). *Развитое средневековье* хронологически менее определено даже для Европы. В Западной оно, в большинстве исследований, охватывает X/XI – XIII вв. Для остальных европейских регионов хронологические рамки развитого средневековья определить сложнее из-за неравномерности развития отдельных земель и дискуссионности многочисленных критериев тогдашних цивилизаций. Отметим, что в странах Центральной и Северной Европы развитое средневековье скорее всего приходится на XI/XII – V вв. В Восточной Европе к этой эпохе можно отнести и более поздние времена, пожалуй, до XVIII в. К *позднему средневековью* в Западной Европе относят обычно, XIV – XV вв. В Центральной и Северной Европе к нему можно отнести XVI – XVII вв., в Восточной – XVIII и, отчасти, XIX вв. В хронологии восточного средневековья, как отмечалось, еще больше различий. Но, в силу традиции, западноевропейское деление изучаемой эпохи часто применяют и для других регионов [См., напр.: 33, с. 5, 638-639].

Истоки европоцентризма восходят, пожалуй, еще к средневековому католическому прозелитизму, дополненному западноревропейской экспансией, начавшейся с эпохи Великих географических открытий, технологическим динамизмом и развитием демократических порядков в новое время. Все это позволяет

⁹ Саганович отмечал и идеологичность периодизаций [70, с.3]. Яковец призывает отказаться от широко распространенного подхода к логике исторического процесса, где перво-толчком начала перехода к следующей исторической эпохе считается формирование очередной ступени в развитии производительных сил, отражающих уровень знаний и навыков человека, его целенаправленную волю и продукты человеческой деятельности. Он предлагает при периодизации истории исходить из первенства духовного, общественного начала в движении человечества от эпохи к эпохе, из примата осознанных потребностей, которые побуждают людей овладевать новыми знаниями и навыками [93, с.31-33].

многим, и не только на Западе, рассматривать тамошнюю цивилизацию как эталонную для остального человечества. Здесь уместно вспомнить недавнюю идею Ф.Фукуямы о конце истории, который он увидел в победе либерализма – одного из основ западной цивилизации. Сам автор, правда, отметил, что идея эта не нова. Наиболее известным ее пропагандистом был Маркс, опиравшийся на Гегеля [84, 135]. Из того же исходил и С.Хантингтон в своей не менее популярной статье 1993 г. Но он, в отличие от Фукуямы, признавал нереальность парадигмы единого мира, где существует или в ближайшие годы возникнет универсальная цивилизация [85, с. 51].

Но как бы то ни было, европейское представление о членении истории, о средневековой эпохе укоренилось, так же как и соотнесение ее с феодализмом, понимание которого тоже далеко не однозначно.

СУЩНОСТЬ ФЕОДАЛИЗМА. Для начала представим общее и предварительное толкование этого понятия. Феодализм возникал при формировании крупного землевладения в условиях разложения первобытного общества или вследствие преобразований, которые происходили во впащем в кризис рабовладении. Последний вариант был характерен для Позднего Рима, когда в условиях кризиса рабовладельческой экономики труд рабов в поместьях стал заменяться трудом колонов. В отличие от рабов колоны имели определенные гарантии на земельные наделы и некоторую хозяйственную самостоятельность, что способствовало их заинтересованности в результатах своего труда.

Но в большей части средневековых обществ феодализм вырос из первобытности. В процессе развития крестьянских общин в них формировались зажиточные верхи, заинтересованные в сохранении своего положения. Одновременно происходила консолидация социальных верхушек общин, племен и их союзов. Из них выделялись правители со своим военным окружением. Основой благосостояния этой формирующейся знати была земля. Господствующее положение позволяло ей не только накапливать у себя свободный земельный фонд, но и на правах правителей или от их имени прибирать к рукам контроль за всей землей данного сообщества – раннего государства. Сбор дани, налогов, административная и судебная деятельность постепенно укрепляли земельные права господствовавшего слоя, и он подчинял своему контролю земли, на которых вели хозяйство рядовое сельское население. Так образуются разнообразные системы земельных владений.

Итак, и при крушении рабовладения, и при распаде первобытного общества формируется, с одной стороны, слой земельных собственников разного ранга, с другой – намного более многочисленный слой крестьян, постепенно терявших свои права на землю и попадавших в зависимость от землевладельцев. Из этих слоев вырастали два основных сословия феодального общества – землевладельцы и крестьяне, которые разделялись не только правами на землю, но и общественными обязанностями. Крестьяне трудились на земле, а управленческие и военные функции сосредотачивались у землевладельцев. Правители, обладая правами на подконтрольные земли, раздавали их своим приближенным, воинам на условиях несения ими службы, прежде всего военной. Крестьяне, проживавшие на этих землях, должны были обеспечивать новых владельцев. Земли, розданные на указанных условиях, в Западной Европе получили название **феоды**, а их владельцев стали называть феодалами. Отсюда и название строя, основанного на таком землевладении – феодализм. Власть при этой системе была приватизирована крупными земельными собственниками и обеспечивалась личной зависимостью получавших у них землю служилых людей. Часто эти личные связи закреплялись в договорах.

Иными словами, главное в феодализме – монопольные права на основной источник существования – землю¹⁰. Именно эти права давали землевладельцам политическую власть, ибо иных способов жизнеобеспечения при тогдашней системе хозяйствования и уровне развития средств производства не было. Ремесла и торговля, даже на более развитом Востоке (в раннем средневековье), играли вспомогательную роль [33, с. 6-7]. Когда же деятельность, не связанная с землей, стала развиваться и занимать все более значимое место в экономической и общественной жизни, феодализм как система начал приходить в упадок¹¹.

В процессе консолидации знати и закрепления за ней специфических военно-административных функций формировалось и государство как специфическая организация усложнявшегося общественного устройства. В советской литературе распространен взгляд на государство как на орудие эксплуатации и угнетения, что связано, прежде всего, с односторонней ленинской трактовкой этого института. Публичность, всеобщность, правовые функции государства и т.п. оказались вне поля зрения Ленина. Ему, как замечает Э.Розин, было чуждо понимание того, что государство – это исторически сложившаяся организованная сила, определенная политическая структура, действующая в интересах всего общества [См. 31, с. 18-20; 68]. Именно такими оказывались ранние государства, в частности, варварские королевства V – VII вв. в Западной Европе. В них складывавшееся правящее сословие еще не совмещало функции управления с эксплуатацией основной массы населения, остававшегося свободным и участвовавшего в управлении через сохранявшиеся народные собрания (точнее – собрания вооруженного народа). Власть опиралась еще на родовые обычаи. Лишь с массовым оседанием на землю – с созданием феодалов – политические функции срастались с владельческими, что в Западной Европе началось с VIII в. Аналогичные процессы происходили и при формировании государственности в других регионах Европы, у арабов, но в иные сроки. В древних цивилизациях Среднего и Дальнего Востока подобные же процессы тоже имели место на ранних этапах их истории. То есть можно считать, что эксплуататорская функция государственной организации не принадлежит к системообразующим для этого явления и имеет исторически преходящий характер.

В нашей литературе основные сословия феодального общества – феодалов и крестьян – часто называют классами. Думается, это не совсем точно. Ибо

¹⁰ Л.В. Данилова пишет, что глубинной основой феодализма является крупное землевладение с зависимыми крестьянами. При этом неважно, зависят ли они от частных землевладельцев, как в Западной Европе, или же от государства, как в России или на Востоке [20, с.40]. То есть главное – то, что крестьяне ограничены в правах на землю господствующим сословием.

¹¹ Иное утверждает А.Я.Гуревич: “Нет ничего проще, чем всюду и везде находить „феодализм“, если руководствоваться упрощенным пониманием феодализма как строя крупного землевладения, эксплуатирующего земледельцев”. И далее: “Оснащенный такими критериями историк найдет феодализма и в древневосточных деспотиях... и в Римской империи (колонат), и в Китае, и в Индии, и в Иране, и в Византии, и в Русском государстве (крепостничество)” [17, с. 16]. При таком подходе действительно получается, что феодализм был преимущественно в странах Западной Европы [17, с. 21]. Представляется, что это сужает наши представления о феодальных общественных порядках. Их элементы действительно присутствовали в различных цивилизациях и в разные эпохи. И сам исследователь признает, что многие общества были многоукладными, гетерогенными [17, с. 21]. Вообще же спор о “емкости” понятий отдаст схоластикой, против чего предостерегает и Гуревич. Человеческую историю едва ли возможно уложить в строго определенные параметры. Особенно это касается представлений о структурах. Логичнее, думается, пользоваться общепринятыми понятиями, но обязательно с комментариями, разъясняющими представления автора.

главный признак класса – отношение к собственности¹². Но, как известно, феодальная земельная собственность была многообразной и всегда условной (отданной на определенных условиях). Внутри сословия феодалов были люди и группы с разными правами на землю. Также и среди крестьян существовали категории с разными правами на наделы. Порой доходы зажиточных крестьян могли превышать доходы мелких феодалов, особенно в позднем средневековье. Много куда более богатых, чем даже среди средних по достатку феодалов, жило в средневековых городах. Но и крестьяне, и горожане считались в средние века единым низшим сословием, а “благородный” дворянин, порой одалживавший у своего слуги на мелкие расходы, оставался в общественном сознании господином для любого богатого, но не “благородного” по происхождению. Положение в обществе определялось не по имущественному положению, не по доходам, а по наличию “благородных” или “подлых” предков. Лишь с развитием капитализма денежные доходы, богатство, а не происхождение, стали определять общественное положение людей и появилось классовое самосознание. Так что понятие класс для средневекового общества чужеродно¹³.

Термин же **сословие** точнее. Он означает наличие определенных групп населения с четко очерченными правами и обязанностями, переходящими по наследству. Причем статус каждого сословия хорошо осознавался тогдашними людьми и закреплялся в традициях. Сословность, как известно, характерная черта средневековых обществ.

Здесь также следует заметить, что и крестьянство как таковое для средневековья явление не изначальное. Появилось оно в процессе своеобразного общественного разделения труда, концентрации у знати военно-административных, управленческих функций и превращения остальных жителей в профессиональных сельских тружеников. Это происходило, как известно, в процессе формирования варварских государств – в V – VI вв. в Западной Европе, в VIII – IX вв. – в Центральной и Восточной¹⁴. При таких же обстоятельствах крестьянство появилось, вернее, вычленилось, у арабов (VI – VIII вв.) и в других обществах, сложившихся в средние века. В старых цивилизациях, сохра-

¹² Владение (или не владение) такой ее частью, которая позволяет (или не позволяет) получать доходы, достаточные для осуществления основных жизненных потребностей.

¹³ Следует согласиться с мнением, что понятие *класс* – лишь современная абстракция, неприменимая к добуржуазным обществам [См.: 18; 29, с.46-48].

¹⁴ А. И. Неусыхин не считал крестьянами не только древних германцев, но и салических франков, так как они еще занимались военным делом, и у них еще не произошло хозяйственной дифференциации [57, с. 377-389]. Не столь категоричен в отношении франков А. Я. Гуревич: с одной стороны они – крестьяне, ибо сельское хозяйство стало для них основой деятельности, с другой – крестьянский труд еще не обособился у них от функций управления, что произошло позже [16, с.37-38]. Ю. Н. Каняшин исходит из того, что у франков по “Салической правде” уже были усадьбы с хозяйственными постройками, мельницы в частном владении и делает вывод, что у них уже были профессиональные крестьяне, аграрная деятельность которых определяла источники их существования, хотя они и участвовали в местном управлении [38, с.57]. Представляется, в этих мнениях отражена длительность и диалектичность процесса сложения крестьянства от хозяйственного обособления и формирования специфической трудовой этики до полного вытеснения их из общественной жизни. То есть крестьянство как сословие окончательно оформилось с возникновением антагонистичного ему дворянства. Но сделал крестьян таковыми именно их сельскохозяйственный труд. Это отмечал и Я. Д. Серовайский, писавший, что начальной вехой истории европейского крестьянства являлись изменения не во внутриобщественных отношениях, а в системе “общество – природа”, обусловившие профессионализацию земледельческого труда [74, с.321]. Тем более что в определенных условиях крестьяне сохраняли и некоторые общественные функции (особенно в местном самоуправлении, а также там, в Европе, где не сложилось крепостничество).

нившихся с древности, крестьянство, естественно, уже имело свою длительную историю.

Конечно, в условиях цивилизационного разнообразия феодализм был многолик. Но находить его в разных обществах, думается, можно по наличию крупного землевладения, сросшегося с политической властью. А в остальном – он мог быть государственным, как на Востоке и частновладельческим, как в Западной Европе. Надо также иметь в виду, что, как и любая социологическая абстракция, феодализм не охватывает всего многообразия жизни средневековых сообществ. Но он – удобный инструмент для их изучения, выявления существенных черт в многообразии цивилизаций, для анализа динамики исторического развития, так как во многих современных обществах существуют черты, которые удобнее называть именно феодальными, а не средневековыми. Ибо средневековье – это хронологическое, нейтральное понятие, феодализм же ориентирует на определенные исторические структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абрамов А.И.** Культурно-историческая концепция русской цивилизации К.Н. Леонтьева // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988. – С. 48-62.
2. **Аванесова Г.А.** Теория цивилизаций и культурно-историческая практика // Восток. – 1996. – № 4. – С.167-170.
3. **Акимова О.А.** Русь и “степь”. Обзор работ Ч.Дж. Гальперина // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X – XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). – М., 1991. – Ч. 1. – С.33-67.
4. **Акішэвіч Л.** Пра “цівілізацыйныя асновы” беларускага гістарычнага працэсу // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава, 1998. – С. 447-454.
5. **Березный Л.А.** Когда начиналась новая история Китая? Историографические заметки // Проблемы дальнего Востока. – 1997. – № 1. – С.71-82.
6. **Бессмертный Ю.Л.** Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. – 1995. – М., 1995. – С.5-19.
7. **Бибихин В.В.** Новый ренессанс. – М., 1998.
8. **Бицилли П.М.** Место Ренессанса в истории культуры. – СПб, 1996.
9. **Бродель Ф.** Структуры повседневности. – М., 1986.
10. **Бродель Ф.** Что такое Франция? – М., 1997. – Кн. 2. – Ч.2.
11. **Булгаков С.Н.** Философия хозяйства. – М., 1990.
12. **Вжозек В.** Историография как игра метафор: судьбы “новой исторической науки” // Одиссей - 1991. – М., 1991. – С.60-74.
13. **Визгрин В.Л.** Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей - 1996. – М., 1996. – С.39-59.
14. Вялікае княства як тэст // БГА. – 1999. – Т. 6. – Сш.1-2. – С. 256-260.
15. **Гиренок Ф.И.** Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993. – С.162-180.
16. **Гуревич А.Я.** Средневековый мир: культура безмолвного большинства. – М., 1990.
17. **Гуревич А.Я.** Теория формаций и реальность истории // Культура и общество в Средние века и раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических исследований. Сборник аналитических и реферативных обзоров. – М., 1998. – С.10-33.
18. **Гюнтер Р.** Социальные проблемы перехода от античности к средневековью // ВДИ. – 1992. – № 3. – С.112-118.
19. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб., 1995.

20. **Данилова Л.В.** К вопросу о понятии "государственный феодализм" // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч.1. – С.3-17.
21. **Дживелегов А.К.** Средневековые города в Западной Европе. – СПб., 1902.
22. **Дилигенский Г.Г.** "Конец истории" или смена цивилизаций? // Цивилизации. – М., 1993. – Вып. 2. – С.44-62.
23. **Дурновцев В.И., Маникин О.В.** Евразийство начиналось так... // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993. – С. 7-15.
24. **Дьяконов И.М.** Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М., 1994.
25. **Дюби Ж.** Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей - 1991. – М., 1991. – С. 48-59.
26. **Ерасов Б.С.** Цивилизационная теория и евразийские исследования: опровержение опровержений // Восток. – 1996. – № 4. – С. 173-186.
27. **Журов Ю.В.** Средняя продолжительность жизни человека как критерий прогресса в историческом развитии // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4-5. – С.94-105.
28. **Игнатов А.** "Евразийство" и поиск новой русской культурной идентичности // ВФ. – 1995. – № 6. – С.49-64.
29. **Илюшечкин В.П.** Сословная и классовая стратификация в добуржуазных обществах // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. – М., 1986. – С.45-67.
30. **Илюшечкин В.П.** О происхождении и эволюции понятия "феодализм" // НАА. – 1987. – № 6. – С.72-85.
31. **Илюшечкин В.П.** Политические структуры древности и средневековья: сравнительно-исторический аспект // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1. – С.18-39.
32. **Илюшечкин В.П.** Общественные формации и цивилизации // Восток. – 1994. – № 5. – С.233-236.
33. История Востока. Т. II. Восток в средние века. – М., 1999.
34. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. – М., 1999.
35. История ментальностей или историческая антропология. – М., 1996.
36. **Каганович Б.С.** Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей - 1996. – М., 1996. – С.166-167.
37. **Канчэўскі І.** Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава, 1998. – С. 73-101.
38. **Каняшин Ю.Н.** К вопросу о начальных этапах истории крестьянства в Западной Европе // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. – М., 1993. – С. 51-58.
39. **Кар Э.Г.** Прычыннасьць у гісторыі // БГА. – 1996. – Т.3. – Сш.2. – С.213-232.
40. **Кар Э.Г.** Гісторык і яго факты // БГА. – 1997. – Т. 4. – Сш. 1-2. – С.72-92.
41. **Карсавин Л.П.** Культура средних веков: Общий очерк. – Пг., 1918.
42. **Карсавин Л.П.** Введение в историю: Теория истории // Введение в науку. История. Вып. 1. – Пг., 1920.
43. **Клименко В.В.** Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. – 2000. – № 1. – С.5-31.
44. **Коллингвуд Р.Дж.** Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
45. **Конрад Н.И.** Запад и Восток. – М., 1972.
46. **Конт О.** Дух позитивной философии. – СПб., 1910.
47. **Красильщиков В.А.** Превращение доктора Фауста. – М., 1994.
48. **Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.** Китайский этнос в средние века (VII – XIII вв.). – М., 1984.
49. **Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.** Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М., 1987.
50. **Кульпин Э.С.** Традиционный Восток: факторы стабильности (экологический аспект) // Феномен восточного деспотизма. – М., 1993. – С.88-114.

51. **Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
52. **Люкс Л.** Евразийство // ВИ. – 1993. – № 6. – С.105-114.
53. **Макаренко В.В.** Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока // Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. – М., 1992. – С.131-153.
54. **Манн Т.** Об учении Шпенглера // Собр. соч. – М., 1960. – Т. 9. – С. 610-619.
55. **Монгайт А.Л.** Переписка Н.И.Конрада и А.Тойнби // Проблемы истории и теории мировой культуры. – М., 1974. – С.143-160.
56. **Мучник В.М.** В поисках утраченного смысла истории (Генезис и эволюция исторических взглядов А.Дж.Тойнби). – Томск, 1986.
57. **Неусыхин А.И.** Проблемы европейского феодализма. – М., 1974.
58. **Орлова И.Б.** Евразийская цивилизация. – М., 1998.
59. **Панарин А.** Между атлантизмом и еврейством // Свободная мысль. – 1993. – № 11. – С.3-15.
60. **Панарин А.С.** Евразийский проект в микросистемном контексте // Восток. – 1995. – № 2. – С.66-79.
61. **Репина Л.П.** Социальная история и историческая антропология: Новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей – 1990. – М., 1990. – С.167-181.
62. **Репина Л.П.** Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей – 1996. – М., 1996. – С.25-38.
63. **Репина Л.П.** Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная антропология – 1997. – М., 1998. – С. 11-52.
64. **Рыер Я.Р.** Да метадалогіі новых падыходаў выкладання гісторыі сярэдніх вякоў у беларускай школе // Магілёўская даўніна. – 1994. – № 2. – С.80-86.
65. **Риер Я.Г.** Сколько путей проложила для нас история? // Веснік МДУ. – 1998. – № 1. – С. 59-74.
66. **Риер Я.Г.** Опыт сравнительного анализа средневековых цивилизаций // Российская цивилизация: истоки, сущность, трансформации. – Смоленск, 1999. – С.61-63.
67. **Риер Я.Г.** Заметки на полях одной книги // Веснік МДУ. – 2000. – № 2-3. – С.175-187.
68. **Розин Э.** Ленинская мифология государства. – М.: Юрист, 1996.
69. **Ронин В.К.** Хёш Э. Культура восточных славян // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X – XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). РС. – М., 1991. – Ч. 1. – С.114-136.
70. **Сагановіч Г.** У пошуках сярэднявечча // БГА. – 1997. – Т. 4. – Сш.1-2. – С.3-17.
71. **Сагановіч Г.** Medievalia ucrainica: Менталісць та історія ідэі // БГА. – 1999. – Т.6. – Сш.1-2. – С.291-295.
72. Свод этнографических понятий и терминов. – М., 1986.
73. **Семенникова Л.И.** Цивилизации в истории человечества. – Брянск, 1998.
74. **Серовайский Я.Д.** Географический фактор в научном творчестве А.И.Неусыхина // История и историки. – М., 1990. – С.318-322.
75. **Сорокин П.** Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
76. **Спигел Г.М.** К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей - 1995. – М., 1995. – С.211-220.
77. **Тавризян Г.М.** Современный кризис западной культуры и перспективы цивилизации в трудах Й.Хейзинги // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988. – С. 87-110.
78. **Тойнби А.Дж.** Постигание истории. – М., 1991.
79. **Трепавлов В.В.** "Евразийская" проблематика в научных дискуссиях России и Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. – М., 1995. – С.165-174.
80. У Цюрыху пра Полацк // БГА. – 1998. – Т.5. – Сш. 1. – С.205-209.
81. **Фельштинский Ю.** Мой ответ А.И.Зевелеву // ВИ. – 1999. – № 8. – С.172-175.
82. **Ферро М.** Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., 1992.
83. **Флоровский Г.В.** Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. (Антология). – М., 1993. – С.237-265.

84. Фукуяма Ф. Конец истории? // ВФ. – 1990. – № 3. – С. 134-148.
85. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33-57.
86. Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. – Лондон, 1992.
87. Хоружий С.С. Карсавин, евразийство и ВКП // ВФ. – 1992. – № 2. – С. 78-87.
88. Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1994.
89. Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации. – М., 1996.
90. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предположения // Одиссей – 1995. – М., 1995. – С. 192-205.
91. Шпенглер О. Закат Европы. – Мн., 1998.
92. Эко У. Заметки на полях "Имени розы" // ИЛ. – 1988. – № 10. – С. 88-104.
93. Яковец Ю.В. История цивилизации. – М., 1997.
94. Le Goff J. Świat średniowiecznej wyobraźni. – Warszawa, 1997.

СОКРАЩЕНИЯ

БГА – Беларускі гістарычны агляд.
ВДИ – Вестник древней истории.
ВИ – Вопросы истории.
ВФ – Вопросы философии.
ИЛ – Иностранная литература.
НАА – Народы Азии и Африки.
СВ – Средние века.

SUMMARY

The problems of study of Medieval History are considered in the article. The motivation of the local civilizations conception is given, the problems of their division into periods are pointed out. The correlation of the concepts of civilization and socio-economic formation is analysed. The definition of the concept of feudalism is given.